

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

УДК 811.161.1

Д.К. Поляков

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

«Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна?»: безличный модальный пассив глаголов совершенного вида в русском художественном тексте

В статье анализируется периферийный компонент системы русских рефлексивов – безличный модальный пассив глаголов совершенного вида (типа *как вам съездилось; мне хорошо отработалось; хоть бы им икнулось*). Многие употребления таких конструкций интенциональны: они возникают при намеренном подчеркивании неволевитивности субъекта и неконтролируемости описываемой ситуации. Рассматриваются также неинтенциональные употребления – в устойчивых контекстах типа *как вам отдохнулось; сел как село; встать бы, да не всталось* и т.д.). Показано, что в художественном тексте перфективный безличный модальный пассив регулярно употребляется в сопровождении других показателей неконтролируемости действия как на уровне фразы, так и на уровне более широкого контекста. **Ключевые слова:** рефлексивность, безличный модальный пассив, рефлексивный пассив, деагентивность, неконтролируемость действия, прагматика, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Поляков Д.К. «Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна?»: безличный модальный пассив глаголов совершенного вида в русском художественном тексте // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 98–121. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

© Поляков Д.К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

D. Polyakov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

“Nu, kak vam s”ezdilos’, Lidiya Andreevna?”: Impersonal modal passive of perfective verbs in Russian literary text

The article analyzes the peripheral component of the system of Russian reflexives – the impersonal modal perfective passive (e.g. *kak vam s”ezdilos’*; *mne khorosho otrabotalos’*; *khot’ by im iknulos’*). Many uses of such constructions arise intentionally – with the deliberate emphasis on the subject’s lack of volition and the uncontrollability of the situation being described. The article also examines non-intentional uses – in stable contexts like *kak vam otdohnulos’*; *sel kak selos’*; *vstat’ by, da ne vstalos’*, etc.). The article shows that in fiction the perfective impersonal modal passive is regularly used accompanied by other indicators of the uncontrollability of an action both at the phrase level and at the level of a broader context.

Key words: reflexivity, impersonal modal passive, reflexive passive, deagentivity, pragmatics, Russian language.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

FOR CITATION: Polyakov D. “Nu, kak vam s”ezdilos’, Lidiya Andreevna?”: Impersonal modal passive of perfective verbs in Russian literary text. *Rhema*. 2025. No. 1. Pp. 98 – 121. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

1. Введение

Вынесенный в заголовок статьи фрагмент из заметок В. Катаева «Эхо военных лет» (1979) иллюстрирует наличие в системе русских рефлексивов «безличного модального пассива»¹ от глаголов совершенного вида (далее – БМП СВ). Находясь на периферии узуса, они

¹ Термин А.Б. Летучего [Летучий, 2014, 2016]. В классификации славянских рефлексивных глаголов и конструкций Ю.П. Князева – «(бесподлежащие) модально-деагентивные рефлексивные конструкции» [Князев, 2007, с. 298–301]. Мы принимаем наименование А.Б. Летучего, оставляя терминологическую дискуссию за пределами внимания.

традиционно – в отличие от конструкций с глаголами несовершенного вида (далее – НСВ) типа *Мне не спится*² – оставались вне поля зрения исследователей. Хотя конструкции с перфективами встречаются и в работах, посвященных рефлексивности [Янко-Триницкая, 1962, с. 224–225] или безличности [Галкина-Федорук, 1958, с. 170], и в грамматиках [РГ, 1980, с. 352], они долгое время играли роль лишь иллюстративного материала.

Ситуация начала меняться сравнительно недавно: такие конструкции стали осмысляться с точки зрения их (не)узуальности в разные периоды развития языка и в разных его сферах. А.А. Градинарова, обследовавшая тексты XIX в., пришла к выводу, что по крайней мере в первой его половине «широко распространены были конструкции с рефлексивными предикатами, образованными от основ глаголов совершенного вида прошедшего и будущего времени», типа *Как-то еще нам поживется на новом месте; Каково опочилось?* [Градинарова, 2009, с. 53], отметив континуальность таких употреблений и ее проявления в современных текстах, ср.: *Не пожилося ему и в семье второго ребенка в Санкт-Петербурге* (Т. Багина) [Там же, с. 54]. В важной работе [Зельдович, 2012] был определен ряд свойств «возвратной дативной конструкции» в т.ч. с точки зрения приемлемости/неприемлемости ее создания с участием перфективных глаголов.

Особое внимание конструкциям типа *Вчера мне легко работалось* уделили Ф. Фичи и Н.Н. Жукова, описавшие их семантические свойства в зависимости от класса глагола (занятия человека, его физическое состояние, глаголы звукоизвлечений, движения и положения в пространстве). Отдельно упоминаются и их аспектуальные свойства: в центре конструкции – имперфективы, т.к. она содержит «суждение говорящего о психофизическом состоянии участника по отношению к событию в целом», в то время как «глагол СВ фокусирует внимание на результате действия или выделяет один его сегмент или точку» [Фичи, Жукова, 2012, с. 20]. Особняком здесь стоят глаголы с префиксом *по-*, «который, не указывая на результат события, подчеркивает только его ограниченность во времени», и близкие им глаголы типа *съездить, слетать* «со значением “пойти/поехать и т.д. куда-то и быстро вернуться назад”»: *Нам хорошо поработалось вчера; Как вам съездилось в Италию?* [Там же]. О делимитативах на *по-* упоминает и Г.М. Зельдович, рассматривая возможности употребления конструкции с перфективами

² Литература, посвященная им, огромна: только в конце XX – начале XXI вв. их анализировали А. Вежбицкая, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ф. Фичи и мн. др., см. ссылки в [Арутюнова, 1999, с. 804–805; Зельдович, 2012, с. 296; Фичи, Жукова, 2012, с. 18–19]. Анализ русских конструкций на инославянском фоне см., в частности, в [Mrázek, 1971; Князев, 2007, с. 298–301; Градинарова, 2009].

[Зельдович, 2012, с. 300]. Наконец, они же, по данным А.Б. Летучего, представляют собой все примеры употреблений БМП СВ в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [Летучий, 2016, с. 302].

Делимитативам на *по-* как центральной группе перфективов, активно участвующей в создании рефлексивных конструкций, посвящена специальная работа [Петрухина, 2020], в которой на базе экскерпций из НКРЯ сделан вывод об узуальности таких образований. Ср. примеры: *Ему славно погулялось в Енисейске* (В. Астафьев), *Славно поработалось в тот день Федоре* (В. Бианки); *И что вам в Москве не посиделось* (Г. Владимов) [Петрухина, 2020, с. 323]. Как видно, делимитативы на *по-* хорошо описаны и исследованы, поэтому далее мы будем обращаться к перфективам других типов.

Наша цель – рассмотреть конструкции БМП СВ в современных художественных текстах (начиная с 1970-х гг., в исключительных случаях – 1960-х гг., по наше время). Хотя, по наблюдениям исследователей, центром использования конструкций «канонического» безличного модального пассива является язык «неформального общения», в котором модус речи часто превалирует над ее информативной составляющей» [Фичи, Жукова, 2012, с. 28]), мы рассмотрим их бытование именно в художественном тексте, постараемся разграничить свободные и контекстно закрепленные, а также неинтенциональные и интенциональные (согласно [Бондарко, 1994]) употребления.

Опираясь прежде всего на материал из статьи [Фичи, Жукова, 2012] и пользуясь проведенной в ней семантической классификацией, мы сконструировали глаголы СВ, являющиеся видовыми парами или аспектуальными модификациями рассмотренных там имперфективов, и проверили наличие этих перфективов в поисковой системе GoogleBooks. Существенным отличием такого поиска от сплошной выборки из материала Интернета явились для нас «авторитетность» представленных там текстов, чаще всего прошедших редактирование и корректуру, и возможность исследовать специфические прагматические функции БМП СВ в художественном тексте.

Анализировалось несколько групп непереходных либо непереходно употребленных глаголов СВ, обозначающих:

- изменение положения в пространстве (*лечь, встать, сесть*), а также движение (*съездить, доехать, уехать, зашагать, прилететь...*);
- физическое состояние человека и его изменения (*прожить, уснуть, заснуть, умереть*), в т.ч. непроизвольные действия (*икнуть, зевнуть...*);
- эмоции (*затосковать, взгрустнуть, загрустить...*);
- звукоизвлечение (в т.ч. говорение) и молчание (*сказать, смолчать, промолчать, замолчать, закричать, заплакать, воскликнуть, всплакнуть...*);

– деятельность и занятия в широком смысле (*пообедать, отработать, отслужить, станцевать, спеть, отдохнуть*);

Как видно из указанных примеров, среди всех групп мы выделили следующие аспектуальные модификации:

- контекстно близкие по аспектуальным свойствам к делимитативам: комплетивы на *до-* (*доработать...*) и близкие им глаголы движения (*доехать, дойти...*), финитивы на *от-* (*отработать, отлюбить, отпеть...*), пердуративы на *про-* (*прожить*);
- инхоативы и ингрессивы на *за-* (*закричать, замолчать, затосковать, запеть, зашагать, зажить...*), *вз-* (*взревновать*), ингрессивы глаголов движения на *по-* (*пойти, поехать, полететь, поплыть...*);
- семейфактивы (*икнуть, зевнуть, моргнуть, чихнуть...*), в том числе «уменьшительные» глаголы (*взгрустнуть, всплакнуть, взрыднуть, вздремнуть...*).

Сразу отметим затрудненность числового представления полученных данных. В условиях языковой периферии приходится оперировать факторами «больше/меньше» и считать релевантными даже единичные примеры. Случаи частых, типовых употреблений мы будем отмечать особо, при этом можно утверждать, что имеющийся материал позволяет скорректировать утверждения исследователей об ограничении области БМП СВ делимитативами на *по-* и глаголами движения типа *съездить* (ср. [Летучий, 2016, с. 302; Фичи, Жукова, 2012, с. 20; Петрухина, 2020, с. 322] и др.). В целом же и на конструкции с перфективными БМП можно распространить слова Ф. Фичи и Н.Н. Жуковой об их имперфективных коррелятах: «иногда трудно установить а priori “правило” в употреблении столь прагматически и стилистически маркированной конструкции, и причины, от которых это зависит, могут быть самого разного порядка» [Фичи, Жукова, 2012, с. 22]. Разность мнений относительно допустимости таких конструкций проявляется даже в мета-языковых рефлексиях. Приведем развернутый фрагмент художественного текста, два героя которого имеют противоположные представления о самом факте существования БМП СВ:

– Как отдохнулось? <...>

Нет такого слова – «отдохнулось». Ну и ладно. Главное, что мы друг друга понимали.

«Нормально отдохнулось», – всплыло в памяти.

– Нормально отдохнулось, – сказал я.

(П. Ингвин. Кваздапил. Наявули 2. 2021)³.

³ В примерах указывается автор, название произведения и год издания, если источник текста – журнал, то только его название и год издания (более подробную информацию в базе GoogleBooks получить невозможно).

2. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида с отрицанием / наречными квалификаторами

Известной специфической чертой русских конструкций БМП, многократно обсужденной, является регулярное наличие в их структуре модификаторов – отрицания или определенных наречий-квалификаторов (*легко, хорошо, плохо* и т.д.), см. подробно хотя бы [Зельдович, 2012, с. 298–299; Фичи, Жукова, 2012, с. 25–27]. Случаи без модификатора типа *Мне сегодня (прямо) работается* не запрещены нормой, но встречаются гораздо реже. Описанные БМП СВ с делимитативами на *по-* в современном языке также преимущественно употребляются с квалификаторами, «оценивающими результат деятельности, которая была или будет реализована» [Петрухина, 2020, с. 322]. Поэтому мы начнем анализ нашего материала со структурно подобных конструкций БМП СВ, включающих в свой состав отрицание или квалифицирующее наречие.

По нашим наблюдениям, основной круг глаголов, способных к образованию БМП, – аспектуальные модификации и парные перфективы глаголов движения, изменения положения в пространстве, речи (включая *молчать*), в меньшей степени – занятий. Субъект в форме дат. падежа может быть как выражен, так и опущен.

Ряд этих модификаций, появляясь в БМП, оказывается синонимичен делимитативам на *по-*: в условиях рефлексивной конструкции результативная семантика префикса ослабляется, и контекстно он – будучи финитивом или пердуративом – сближается с делимитативом, акцентируя ограниченность действия во времени при его несомненной протяженности: *И нам бы всем, может, спокойнее без него прожилось...* (А. Курбак. Умолчи, считая тайной. 2024); *Говорю, хорошо проводили Санька, так ему и отслужилось легко* (И. Горбачева. Вновь домой вернутся журавли. 2017); *С самого вечера он ощущал какую-то пустоту. <...> Несмотря на это ощущение пустоты, отработалось достаточно легко* (Д. Коваленко. Пробуждение. 2022).

Семантически такие конструкции максимально близки узואльным БМП СВ делимитативов: акцент с выражения аспектуальной семантики (у делимитативов – «порции» деятельности, у финитивов – окончательного ее прекращения, у пердуративов – деятельности, занимающей временной промежуток целиком) «переносится на ее оценку» [Там же, с. 323].

Отметим, однако, крайнюю малочисленность представленных пердуративных глаголов: представителем всего класса является глагол

прожить⁴. Аспектуальная семантика пердуративов требует наличия при них показателей длительности, что в целом не отвечает сочетаемостным возможностям БМП СВ (ср. *он проработал там три года* – **ему хорошо проработалось там три года*).

Активность демонстрируют разнообразные перфективные приставочные дериваты глаголов движения, среди которых – глаголы со значением покидания и, наоборот, достижения определенного пространства. Ср.: *Мне совсем бы хорошо уехалось из Лугани, если б не Зюзина мать* (К. Воробьев. Избранное. 1980); *На холме коза и штырь, / Чтоб козе не убежалось. / Раздается поле вишь, / Небо в высоту раздалось* (П. Демидов. Куплеты на черный день. 2022)⁵; *Легко ль доехалось? Не стряслось ли чего в дороге?* (И. Шишкин. Хлыновцы. 1996).

К собственно аспектуальным модификациям глаголов движения относятся, например, ингрессивы на по-: *Может, тебе легче по той дороге пойдетя под теплым дождем?* (Е. Костюкович. Цвингер. 2013); *а на след утро так голова болела, что в универ не пошлось мне* (И. Синюков. Псевдоконтакт. 2024); *Я не гаерствую, мне действительно легче поехалось* (И. Щеголихин. Машина бремени. 1969); *Маргоша и Эмма вскочили – бежать на помощь, но как-то не побежалось* (Л. Улицкая. Сквозная линия. 2002); *...почему нам не полетелось на корабле, предписанном отцом?* (М. Лунева. В объятиях страха. 2023).

Основная зона функционирования в БМП глаголов типа *сходить*, *съездить*, представляющих движение туда-обратно, – конструкции типа как (тебе) *туда сходилось/съездилось*, анализируемые далее в разделе 4.1, однако спорадически возможны и иные употребления: *Съездилося, может, и неплохо, да только не доехал, куда хотел* (П. Загребельный. Юрий Долгорукий. 2015); *Трудно съездилось?* – *спросила жена* (М. Барышев. Вторая половина года. 1973).

Наконец, среди инхоативов на за- выделяются практически узуальные формы БМП от глагола *зашагать* (формы типа *(им легко) *заходилося/заходится* с начинательным значением не выявлены): *...из-под ног – хрусткий, новый скрип: хоть куда легко зашагается!* [в новой обуви] (Э. Сафонов. Деревенская история. 1971); *Легко зашагалось Ивану* (В. Кречетов. Тайны любви. 1991); *И как-то сразу легче задышалось и зашагалось в этой тени* (У. Орлова, М. Абрамова. Спасатели. 2022).

⁴ Проверка других глаголов (*проработать* (день), *проговорить* (час), *пролежать*, *простоять*, *проездить* и др.) не принесла результатов. Глагол же *прожить* во всех примерах (см. далее) употреблен без обстоятельства длительности, сближаясь тем самым с делямитативами.

⁵ Но, например, полное отсутствие БМП от *уплыть*, *улететь*, разовые употребления от *уйти*.

Активность начинательных глаголов на *за-* семантически объяснима: БМП здесь маркирует наступление новой ситуации и дальнейшее нахождение субъекта в ней (*легко зашагалось* = *легко начало шагаться и далее легко шагалось*). Это соответствует свойствам инхотативов: они «выделяют начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом» [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 89]⁶. Ср. активность *за-* в других семантических группах: *Им всем отлично замолчалось вместе* (Л. Деймон. Ниачом и абафсём. 2017); *Кто же это ее узнал? – спросил мертвым голосом я; Но вот ребята остались позади, и Чик снова заволновался: а вдруг ему не заплачется у гроба?* (Знамя. 1986); *Теперь каждая из бывших республик считала себя отдельным государством и свято верила, что <...> заживется всем богато и весело. / Не зажилося... точнее, зажилося, но не всем* (Р. Харьковская. Миры и судьбы. 2019). Начинательные глаголы на *за-* без отрицательных и наречных модификаторов также активны и показывают внезапное наступление ситуации, не поддающейся контролю субъекта (см. разд. 3).

Добавим также, что среди возможных конструкций БМП СВ – не только глаголы различных способов действия, но и парные перфективы: *Надеюсь, что прекрасно вам поездилося и отдохнулось* (А. Эфрон. Письма. 2021/1967); *Всталось легко. Даже коленки не скрипнули. Она стояла на дороге. Она ощущала свое тело.* (Новый мир. 1996); *Наполеон сказал – легко ему сказалося, что «трон – всего лишь кресло, обитое бархатом»...* (А. Россет. Поле битвы – душа. 2021); *Туда ему и дорога, старому выродку, – ни один мускул не дрогнул на лице, не выдал чувств осиротевшего сына. – Надеюсь, тебе погано леглось в промерзшую землю?* (Л. Астахова. Другая река. 2022); *Врагам моим, должно быть, лучше спляшется, / Ведь у моей могилы не останется друзей* (Д. Степанов. Осколки разбитого лета. 2023).

В целом же можно констатировать, что свободные употребления БМП СВ с модификаторами не составляют в нашей выборке большинства даже несмотря на определенную активность в этой области приставочных перфективов, в первую очередь глаголов движения. Чаще в рассматриваемых нами конструкциях встречаются формы СВ без негации и адвербиальных квантификаторов.

⁶ Контекстно такое значение может выражаться и другими глаголами, ср. с *сесть*: *Наткнуться на ветхий домишко, сто лет как заброшенный. / Присесть на дощатом крыльце (ах, как славно там сядется!)* / *В больших лопухах да колючках, и в травах некошеных / Запрятать усталость, зарыть все свои неурядицы.* (Ю. Вихарева. Четыре осени. 2018). Здесь эксплицирована оценка ситуации «сесть», но имплицирована ситуация «сядется и посидится / будет сидеться».

3. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида без отрицания / квалификаторов – «демиагентивные» глаголы

Значимую группу составляют БМП СВ с глаголами «физического состояния» [Фичи, Жукова, 2012, с. 30–32], субъект которых является не столько агенсом, сколько экспериенцером. Можно предположить, что в норме само образование БМП с участием таких глаголов избыточно, т.к. неволитивность субъекта предполагается уже самой их личной формой. Однако материал показывает широкие возможности для образования БМП СВ именно с ними⁷. По всей видимости, дело в том, что агентивная интерпретация субъекта таких глаголов тоже возможна: «называемое ими действие может совершенно не зависеть от субъекта <...>, но может и зависеть, быть, так сказать, демиагентивным – в том смысле, что если бы он захотел возникновению ситуации воспрепятствовать, то она бы не возникла» [Зельдович, 2012, с. 332]⁸. К «демиагентивам» относятся глаголы типа *зевнуть*, *икнуть*, *чихнуть*, *заснуть*, *моргнуть* и т.д. «Двусмысленность» демиагентивов заключается в том, что описываемая ими ситуация «может произойти или возникнуть и потому, что субъект, будучи способен воспрепятствовать возникновению данной ситуации, ему не воспрепятствовал, и потому, что он воспрепятствовать не мог» [Там же, с. 348]. Она может быть разрешена грамматически – самим выбором рефлексивной конструкции, эксплицирующей снижение волитивности до «невозможности воспрепятствовать» – и, следовательно, являющейся «прагматически нагруженной» [Там же, с. 349].

Конструкции БМП СВ с демиагентивными глаголами редко сочетаются с отрицанием или с наречием-квалификатором, ср. единичные примеры: *За спиной похрапывает с присвистом старенькая мать – умаялась за день на ферме, а Спире даже не зевнется* (Ю. Помозов, Верхневолжье. 1963); *...этот троглодит все сожрет, не успеешь до стола донести, и не икнется ему...* (Н. Александрова. Сокровище великих моголов. 2021). Наиболее частотные, типовые употребления показывают ситуацию, на возникновение которой субъект не мог повлиять: *Иванкину зевнулось* (В. Панов. Избранное. 1982); *Он едва успел прижать полотенце ко рту, и ему отпрыгнулось* (Ю. Нагибин.

⁷ Анализ схожего положения в материале XIX в. см. [Градинарова, 2009, с. 54].

⁸ Схожее определение – «их можно сдерживать, но от них бывает трудно удержаться» – Н.Д. Арутюнова дает другой группе глаголов – физически выраженных реакций на психические раздражители (*вздрагивать*, *плакать*, *смеяться*, *рыдать*) [Арутюнова, 1999, с. 799].

Царскосельское утро. 1979); Если вы думаете, что Дмитрию **икнулось**, ошибаетесь (Д. Воскобойников. В поисках утраченного будущего. 2015); И пусть тому конюху **икнется!** (В. Колосков. Мидгард. 2022).

Неконтролируемость ситуации также может быть выражена дополнительными показателями. Это как лексические единицы, ср. Леониду **рефлекторно моргнулось** и **сглотнулось** от нервного переживания (И. Сотников. Несвоевременный человек. 2019); ...загородил от зеркала глаза, потому что невольно **заплакалось** (А. Филиппович. Житие: роман-сказ. 1986); Сидел, сидел, **затосковалось** почему-то (Москва. 2013), или также синтаксическое противопоставление личной формы глагола безличной рефлексивной: Потом **зевнул**, смутился и прикрыл рот рукой: на трибуне – и зевать! Но **зевнулось** само собой еще раз... (Л. Соболев. Ветер времени. 1973). Встречается и буквальная текстовая экспликация невозможности воспрепятствовать действию: Бороться с рвущимся из тебя смехом бесполезно, как, например, бесполезно подавлять чих, икоту или зевоту. Все равно **чихнется** или **зевнется**, только в неожиданном месте или в неподходящий момент (Б. Криппа. Несерьезные размышления физика. 2022).

Ряд демиагентивных глаголов может интерпретироваться двояко: они обозначают физическое состояние человека и, соответственно, «обладают низкой степенью контролируемости со стороны участника» [Фичи, Жукова, 2012, с. 30], но в определенном контексте их можно трактовать и как глаголы занятий (в широком смысле). К таковым относятся, например, *уснуть/заснуть*, легко выступающие и в положительной конструкции с БМП СВ, характерной для демиагентивов, и в отрицательной, как глаголы занятий. Ср.: ...**уснулось** мне традиционно в четыре утра... (А. Мильштейн. Двое в животе. 2019); ...покурил даже – а вдруг после этого лучше **уснется?** Не **уснулось** (С. Куковякин. Коронавирус. Хроники скупщика. 2024); Подогреть тебе молока, чтобы **заснулось** хорошо? (Б. Кеммерер. Тебе, с любовью. 2022).

К глаголам произвольных физических действий примыкают близкие им глаголы ментальных состояний и эмоций, также демиагентивные. Такие перфективы относятся к начинательному и однократному способам действия и сигнализируют погружение субъекта, иногда кратковременное, в определенное психическое состояние: Здесь всем **загрустилось**, даже Слизкину (Д. Липскеров. Осени не будет никогда. 2004); А Сергею вдруг **затосковалось** (Н. Еперина. Целители душ. 2022); Не скрою, от твоих слов мне и **взгрустнулось**, и **всплакнулось**

(В. Касаткин. Синдром распада. 2022); *Вот прямо **взревновалось** мне как-то* (Н. Шитова. Девчонка с изнанки. 2020)⁹.

Неконтролируемость и спонтанность действия может выражаться также одновременно и конструкцией, и семантикой префикса: ...*жил и ждал, когда матери вот так радостно **вскричится*** (Урал. 1985). Хотя *вскричать* не является неволитивным глаголом (по сравнению, например, с *икнуть*), сам тип таких ингрессивов на *вз-/вс-* (ср. и *всплакнуть, взревновать* выше) обозначает интенсивность и внезапность действия, которое априори возникает спонтанно.

Рассмотрение поведения демиагентов важно и потому, что в сфере БМП без отрицания или квалификатора, совершенно нейтральную для них, по прагматическим соображениям могут втягиваться иные глаголы, субъект которых в норме не предполагает снижения волитивности: *Наша внешняя политика смотрит с утра пораньше не в столбцы биржевых новостей, а с какой ноги **всталось** батюшке-царю да какой именно петушок кукарекнул ему в ухо* (Континент. 2006). В то же время маркеры, мотивирующие введение БМП, появляются в тексте: хотя субъект ситуации вставания в принципе волитивен, частная ситуация, описываемая фразеологизмом *встать не с той ноги*, предполагает именно решающую роль случая, но не активное участие субъекта. Ср. интенциональные употребления, эксплицирующие неконтролируемость действия и низкую волитивность субъекта и через выбор конструкции, и через контекст: *Не зная, что сказать, лишь оторопело приходил в себя. Где **мне побывалось**? Внутри самосознания, в некой компьютерной игре? Одно точно, флоатинг – «больше никогда»* (Э. Шар. Малая форма 36. 2024); *«Интриганка!» – вдруг **воскликнулось** мне* (Л. Петровских. Затеряться в любви. 2022).

Именно противоречие глагола, предполагающего волитивность субъекта, и конструкции, предполагающей ее снижение, имеет мощный

⁹ А.Б. Летучий относит глаголы эмоций типа *взгрустнуться* и *мечтаться* к безличному пассиву (не модальному!) [Летучий, 2016, с. 299], в рамках которого бывшее подлежащее становится дополнением не в творит., а в дат. падеже. На наш взгляд, такую интерпретацию ставит под вопрос очевидная близость глаголов эмоций к массе других описанных выше демиагентов, а также имеющийся в рефлексивной форме таких глаголов компонент «невозможности воспрепятствовать действию», о котором писал Г.М. Зельдович. Добавим, что такие дативные конструкции с глаголами, обозначающими произвольные действия, характерны и для других славянских языков, в частности чешского и словацкого (*kýchá se mi, kýcha sa mi* «мне чихается») или польского (*umarło mu się* «он умер», букв. «ему умерлось», см. также [Mrázek, 1971, s. 123; Князев, 2007, с. 299]). Такой тип отвечает определению Ю.П. Князева, видевшего в качестве конститутивной для БМП (в его терминологии – «модально-деагентивных бесподлежащих рефлексивных конструкций») «возможность или даже обязательность присутствия обозначения субъекта (экспериента) в дат. падеже **и/или** (выделение наше. – Д.П.) адвербиальных качественных квалификаторов типа *хорошо, тяжело*, а также отрицания» [Князев, 2007, с. 297].

прагматический эффект, эксплицирует неконтролируемость действия, внезапное наступление новой для субъекта ситуации (в случае начинательных глаголов). Контекст при этом может и содержать указание на внешнюю причину, которая, однако, обуславливает не совершение действия, но возникновение в субъекте внутренней предрасположенности к нему: *Каждый понимал, что с северной стороны город коронному гетману не взять, и людям запелось. Они пели казацкие свободные песни* (И. Мяло. Принада. 1982); *Но потом он вдруг такое вспомнил, что ему тут же заерзалось на стуле* (И. Сотников. Дровосек. 2022); *Тут же зафыркалось обоим, вспоминая* (с ненормативным деепричастием в зависимой предикации) (В. Панфилов, Детство 2. 2023).

4. Расширяющие контексты

Термин, предложенный в работе [Летучий, 2014], обозначает присутствующие во фразе дополнительные компоненты, снимающие или смягчающие ограничения на образование конструкции. В устойчивых расширяющих контекстах способно функционировать большее количество глаголов, чем вне их, ср: *прощай, пока прощается* (устойчивый расширяющий контекст) при невозможности **мне (сейчас/сегодня) прощается*. Для БМПА А.Б. Летучий выделяет несколько типов таких контекстов:

- 1) *Р пока Р-ся – живи, пока живется*;
- 2) *Как тебе Р-сь? – как тебе спалось?*;
- 3) *Что тебе не Р-ся? – что тебе не сидится?*

Исследователь не связывает наличие расширяющих контекстов с преодолением аспектуальных ограничений, однако наш материал показывает и такую возможность; более того, именно эти устойчивые контексты оказываются важной зоной функционирования рассматриваемых нами конструкций.

Из выделенных А.Б. Летучим контекстов для БМП СВ релевантны типы (2) и (3), т.к. в типе (1) актуализируется продолжительность состояния субъекта, что несовместимо со значением СВ.

4.1

В расширяющем контексте типа *Как тебе Р-сь?* наиболее активны перфективные глаголы движения – как упомянутые в [Фичи, Жукова, 2012] результативы типа *сездить*, так и другие приставочные дериваты, о которых говорилось выше: *Как слеталось? Много впечатлений?* (Ю. Семенов. Отчаянье. 2020/1971); *Как сплавалось тебе на тепलोходе с твоим красавцем-мужем?* (К. Грейдина, Суженый мой, ряженный мой. 1994); *Как сходилось, удачно? – ухмыльнулся он* (П. Ингвин.

Зимопись. 2018); Он <...> стал задавать какие-то несурзные вопросы комиссару. Вроде того, **как** нам **доехалось** из Осташкова (А. Репина. Черный гардемарин, судьба и время. 2022).

Из глаголов деятельности особо частотен в этом контексте глагол *отработать*, по своим свойствам сближающийся с делимитативом *поработать* (см. выше): – Ну как **отработалось**? (Молодой Ленинград. 1980); Но в тот день он впервые спросил у Бет, **как ей отработалось** в ту смену (Д. Лури. Зверь в тени. 2024); представлены и другие финитивные глаголы на *от-*: Спросил, как **отслужилось** Юрке... (В. Веденеев, Получатель. 1994); Заодно спросим, каково ему **отсиделось** в карцере (В. Андерсон. Борьба: Стальная хватка. 2023); из комплетивов – *доработать*: – Ну как **доработалось**? – спросил меня Алекс, сидящий рядом (М. Матвиенко. Ноктюрн. 2022). Из бесприставочных перфективов чрезвычайно частотен *отдохнуть*: – Как **отдохнулось**? – <...> Обыкновенно **отдохнулось**, благодаря (Юность. 1973); – Как **отдохнулось** герою? – Герою не знаю, а мне нормально (Простор. 2000).

В художественном тексте возможны употребления, нарушающие установленный «порядок вещей», например, в описании посмертного бытия: **Как тебе умерлось**? Надеюсь, как мы и рассчитывали, очень быстро и совсем не больно? (Райко. Свидание с богом. 2023).

4.2

В контексте *Что тебе не Р-ся?* (для БМП СВ скорее не *Р-сь*) нам также встретились преимущественно глаголы движения или изменения положения в пространстве: ...ну, **чего тебе не леглось** чуть поближе? (В. Лягошкин. Волшебник по залету. 2022); Ну, **чего же им не ушло-то?** (И. Кузнецов. Олькино утро. 2005); **И чего** ему с самого раннего утра не **уехалось**, неужели решил со мной перед дальней дорожкой попроситься? (Е. Чуб. Предлагается невеста с хорошей родословной. 2019).

4.3

Наряду с описанными контекстами для БМП СВ оказывается релевантным еще один – *Р как/где/куда Р-сь/ся*, при этом в качестве связующего элемента употребляются союзы *как, где, куда, когда*. В этих двукомпонентных конструкциях соположены субъект-агнс и субъект-экспириенцер. Субъект-агнс совершил или совершит действие, результат которого зависит от состояния субъекта-экспириенцера и потому не может быть проконтролирован. В этих конструкциях не может быть отрицания или наречного квалификатора, введение субъекта в дат. падеж редко, но возможно: *Хозяин лежит <...>, голова запрокинулась, –*

лег, как леглось ему, – голова вниз по скату двора, ноги выше (Знамя. 1989); – **Как сесть?** – **Как сядется...** <...> – **Мало, как мне сядется!** (Дон. 1984). Наибольшее количество обнаруженных нами контекстов – с участием глаголов изменения положения в пространстве, хотя встречаются не только они:

- **как:** – *Дети!* – говорит Дрыгалка нам, **рассевишимся** на партах как попало, **«как селось»** (А. Бруштейн. Дорога уходит в даль. 2015/1956); Обычно я ложусь спать всегда головой к окну, а тут <...> **лег, как леглось**, – ногами к окну и провалился в сон (А. Торик, Флавиан. 2011); **Как прыгнется, так и прыгну!** Повезет – упаду в стог или сломаю шею. Не повезет – переломаю ноги (М. Зайцев. Белый ворон. 2021); ...только тогда **шагала**. Чаще всего не осознанно, а **как шагнется** (С. Малицкий. Прогул. 2020); **Запел как запелось**, как в сердце екнуло от Ульяниных слов (П. Сальников. Калинов покос. 1983); *Ведь и жизнь была прожита так, как прожилось* – сбивчиво, неясно... (Б. Вахтин. Портрет незнакомца. 2010);
- **где:** ...хотел протиснуться куда-нибудь к стеночке, за спины людей, но я запретил себе делать это – **встал, где всталось...** (Сибирь. 1981);
- **куда:** ...он **пойдет** туда, **куда пойдется**, будет делать то, что взбредет в голову (В. Распутин. На Родине: рассказы и очерки. 2022/1972); Ты – свободная счастья птица. / Так **лети** же куда **полетится** (С. Богдан, Если ты уйдешь. 2022); «Так куда же мы **едем?**» – сама себе удивилась я. / И тут же ответила: «А **куда приедется!**» (О. Кириллова. Мой Дантес. 2022);
- **когда:** **Люби / когда полюбится. / Уйди – когда уйдется** (Л. Дымова. Журавль в небе. 1982); Пусть **умрет, когда умрется**. Это не от нее зависит (В. Распутин. Последний срок. 2019/1970).

Преодоление рамок устойчивого расширяющего контекста и одновременно фразеологизацию самой формы БМП СВ находим у Д. Рубиной: ...дуэт не **торчал** весь день там, где **приселось-прилеглось**, не ждал милостей от туристов, а неустанно рыскал в поисках заработка (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2022). Здесь нет ни соположения однокоренных агентивной и деагентивной форм, ни видового соответствия агентивной личной формы и деагентивного БМП. Последнее несоответствие, впрочем, не исключено и в «ядерных» конструкциях с этим контекстом, ср. выше: **Куда едем? – Куда приедется**.

4.4

Еще более вариативны случаи фразового противопоставления агентивной (в т.ч. личной) и безличной конструкций по признаку волитивности (*хотел Р, но не Р-сь*). Здесь могут быть представлены разные

типы агентивных глаголов и конструкций, главное – контекстная поддержка такого синтаксического антонима. Среди таких устойчивых конструкций выделяются оптативные с инфинитивом и частицей *бы*. Выражение субъекта формой дательного в них возможно, но не обязательно: *Зине бы так и молчать, но не смолчалось* (В. Пономарев. Жизнь сызнова. 1986); *Встать бы и сказать. Но не встал. Не всталось* ему (Д. Гуцко. Бета-самец, 2013); *Тут бы поплакать в самый раз – и обидно, и неприятно. Но не заплакалось* (А. Гайкалова. Марфа. 2022). В таком синтагматическом противопоставлении может участвовать как один глагол (*встать – не всталось*) или разные глаголы СВ (*поплакать – не заплакалось*), так и глаголы обоих видов (*молчать – не смолчалось*).

Значение желания/необходимости совершить действие может выражаться не только инфинитивной конструкцией, но и иначе, например, конструкциями с глаголами желания и инфинитивом глагола, участвующего в образовании БМП СВ, или однокоренного с ним: *А я вот виновата перед тобой, Митюша <...> хотела умереть, да не умерлось* (А. Блинов. Наследство. 1988/1976); *Потом хотела заплакать, но не заплакалось* (А. Кторова. Минувшее. 2005); *После пытался подремать – не задремалось* (В. Аксенов. Была бы дочь Анастасия. 2018). Выделяются контексты с глаголом действия, имплицитно указывающим на попытку его осуществления, которая затем оканчивается неудачей: *Я сделал несколько шагов в направлении мяча, не до конца понимая, удастся ли до него достать, прыгнул и... и не прыгнулось* (*прыгнул = попытался прыгнуть*) (А. Комаров, Футболист. 2022); *Завтра непременно поплыву. <...> а ну как не поплывется, и некому будет кинуть спасательный круг? (поплыву = попытаюсь поплыть)* (М. Хворова. 100 рассказов про Марусю. 2023); *о всем – по мне, но не потатица, / Моя надежда и броня. / А и заплачет – не заплачется, / В меня двужильная, в меня (заплакал = попытался заплакать)* (Звезда Востока. 1987).

Формы рефлексива без негации в таких контекстах не были зафиксировано (*не хотел икать / не икать бы, но икнулось*), однако она, на наш взгляд, не исключена, ср. семантически близкое *Шустов хотел зевнуть* понарошке, а *зевнулось* по-правдашнему, со сладью, во весь рот (Ключ-город. 1990). В целом в таком противопоставлении БМП СВ близок к центральным имперфективным формам, предполагающим отрицание. Введение субъекта в дат. падеже не зафиксировано: по всей видимости, в данной позиции он избыточен: (*я*) *хотела умереть, но (*мне) не умерлось*, ср. [Летучий, 2014, с. 385].

4.5

Частным случаем расширяющего контекста является ситуация видового противопоставления/соположения в рамках БМП (типы не *Р-сь/ся*_{НСВ} и *сейчас не Р-сь*_{СВ}; не *Р-сь/ся*_{НСВ}, но *Р-сь*_{СВ}): *Мила попыталась пригладить вихор на макушке Ивана, но тому с детства не лежало, и сейчас не леглось* (А. Останин. Венец Логоры. 2021). *Как ездилось? Благополучно <...> Ездилось-то благополучно, да вот приехалось неладно* (Н. Сухов, Казачка. 1960); *А в этот раз долго не спалось, но потом все же уснулось* (Л. Доттай. Любовь в эпоху перемен. 2021). Строго говоря, приведенные примеры демонстрируют разные типы расширяющих контекстов (с разными типами отрицания и без него). Это единственные обнаруженные нами примеры, хотя интуитивно кажется, что контексты с противопоставлением имперфективных и перфективных БМП могут быть представлены шире.

5. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида и «рефлексивная перспектива» предложения

Рассмотренные выше контексты облегчают появление БМП СВ в тексте, как бы узуализируя такую конструкцию, снимая ощущение необычности. При этом функционирование рефлексива ограничивается рамками устойчивой коммуникативной ситуации, создающей пространство для образования форм по аналогии и встраивания в известный ряд. Тем самым это по определению неинтенциональное, аналогическое употребление. Другой вид контекстной поддержки БМП СВ – не устоявшееся лексическое наполнение определенной конструкции, но последовательность рефлексивных образований, предшествующих периферийной, неузуальной форме и облегчающих или даже вызывающих ее появление в тексте. Такую последовательность рефлексивов, в которую могут включаться разнообразные неканонические и маргинальные формы, можно назвать «рефлексивной перспективой» предложения. Ср.: *А мне вот не ест^{ся}, не пь^{ется}, никак не умр^{ется}* (Л. Золотарев. Берестяные песни. 1973), глагол СВ после двух узуальных имперфективов не воспринимается как инородный. *Легко вделась нога в стремя. Еще легче селось на невысокого конька*. (Е. Пермяк. Собрание сочинений. 1978 / Урал. 1966); – *Как отдыхается?* – *спросил он.* – *Нормально. Всталось только что.* (В. Богущев. Знакомство с Иньес. 2020); *Не спалось... Всталось.* (В. Николаев. Майн кайф. 2022).

С точки зрения интенциональности/неинтенциональности контексты с «рефлексивной перспективой» различны: неузуальной рефлексив

может возникнуть по грамматической, синтаксической и даже ритмической аналогии с уже заданной формой, при этом такая аналогия может развиваться в языковую игру, в ходе которой образуются цепочки окказиональных дериватов. В ряде случаев безличный модальный пассив и субъектный имперсонал, находясь в рамках одной фразы, начинают служить единой прагматической цели – стилизации «бессубъектного» действия. Ср.: (внутренний монолог героя) *Идем-ка, Винсент, куда пойдется. Идет, бредется...* (А. Щучкина. Сожженные земли. 2024); *...ноги сторожа доплетали до лавочки у песочницы <...> Сторожу с книгами селось на час или три. Читалось, листалось* (П. Трамич. Главный переход. 2022). В обоих примерах – в отличие от разобранных ранее примеров рефлексивной перспективы – периферийный БМП СВ вводит еще более периферийный субъектный имперсонал, при этом если в первом примере *пойдется* выступает в устойчивой конструкции, то во втором и сама конструкция *сторожу селось* – неузальная. Наиболее широко, по нашим наблюдениям, соседство двух и более рефлексивов используется в поэзии.

6. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида в поэтическом тексте

В стихах возможности соположения и кумуляции рефлексивных форм, включая перфективные, активно применяются для достижения и усиления эмоционального эффекта. К глаголам, возникающим в таких контекстах, относится в первую очередь лексика эмоций, физических реакций, с аспектуальной точки зрения – характеризующиеся высокой степенью экспрессивности финитивы на *от*- и инхоативы на *за*-, иногда – также экспрессивные глаголы на *вз*- (ингрессивы и семельфактивы). Поток рефлексивов выступает здесь как частный случай повтора однородных сказуемых, служащего конденсации, «уплотнению» событий, о которых идет речь [Ковтунова, 1986, с. 158]. Повторение аффиксов дает возможность ввести неузальный рефлексив раньше узального, что необычно для рассмотренных выше случаев «рефлексивной перспективы», характерной для текстов других типов: *О, пусть она в пальто свое закутается / и выбежит на улицу одна. / Ей так потом заплачется, закутится, / вздохнется / за пределами окна* (Б. Ахмадулина. Озноб. 1968); *Погружаемся в одиночество, / вод завесившись занавескою, / захохочется, если захочется, – / отзовется грозою небесною. / Не захочется / так заплачется, / а заплатится сердцем порванным* (Октябрь. 1997).

Если говорить о БМП СВ в рядах однородных членов, большинство в нашей выборке из поэтических текстов составляют ряды с повторяющимися префиксами. Именно повтором префикса и постфикса достигается максимальный кумулятивный эффект и, следовательно, максимальное воздействие на читателя: *Визжу, подруженьке-то – откипелось, отбегалось...* / *От грохоталось внутриголовно, никак?* / *Из зазеркалья тобою любитесь бледность – / Твой молчаливо-ласковый дубликат* (Ю. Мамочева. The Бестелесность. 2022); *Как дальше без тебя мне плыть?* / *Раз отлюбились мне и отмечталось!* (В. Тер-Аристокесянц. Сборник стихов № 6. 2020); *Отсмеялось-отплакалось* вволю нам (Конец века. 1991); *Загрохоталось, загрустилось,* / *Видно, в сердце что сместилось* (А. Бергер. Подсудимые песни. 2019/1971).

Узуальный рефлексив может задавать начало состояния и всю модальность неконтролируемости действия: *Почему-то мне взгрустнется / И заплачется* немного / *О былой, прошедшей жизни / И о детстве дорогом* (Д. Суханов. Журавлиный бег детства. 2022). В окружении рефлексивов других типов субъект нередко вовсе уходит из структуры предложения, в котором и остается только семантика состояния: *И что же приснится-привидится,* / *Взревнуется, позавидится* / *на Саарском мосту,* / *где луны кружок – как прыжок в пустоту* (Н. Горбаневская. Города и дороги. 2022); *И задышитесь, и заплачется,* / *И поверится* / *все наладится* (Н. Капошко. 2022). В последнем примере вновь можно говорить о нейтрализации неопределенно-личного, немодального (*кто-то задышит и заплачет / я задышу и заплачу*) и модального (*мне задышитесь и заплачется*) значения рефлексивов, т.к. вся последовательность предикатов сообщает о независимости действия от воли субъекта, о его неконтролируемости.

Еще один специфический случай употребления БМП СВ в поэзии – повторение не однородных рефлексивов, но конструкций с ними: *Вот я какая добрая: / пусть нитка оборвется! / Как лучше, как удобнее / пускай тебе живется.* / *Люби – когда полюбится.* / *Уйди – когда уйдет-ся.* / *Забудь – когда забудется.* / *Запей – когда запьется* (Л. Дымова. Журавль в небе. 1982). Если сама эта конструкция – пример устойчивого «расширяющего контекста», в котором едва ли возможно интенциональное употребление БМП (см. разд. 4.3), то ее повторение с разным лексическим наполнением – яркая стилистическая фигура, создающая тот же кумулятивный эффект, что и повтор отдельных глаголов. При этом правила взаимодействия видов, наклонения и рефлексивности здесь намного свободнее, чем вне поэтической речи.

Любопытно, что именно в поэтических текстах нам встретились и обратные случаи – употребление БМП СВ, которое не находит

мотивировки ни в лексическом значении глагола (ср. *ему икнулось*), ни в контекстном окружении: *Кому-то поедется / И на Большую Медведицу (= кто-то поедет)* (Наш современник. 1961); *Опять закуролесила / Февральская метель. <...> И раскрутила месиво / Такое на пути, / Что человеку доброму, / Да выпилось которому, / Так спервозразу до дому / Дорогу не найти (= который выпил)* (В. Кортаев. Караульная сопка. 1984); *Здесь все по-честному и даже нет обмана, / Жизнь – как положено, не как кому-то спелось (= как кто-то спел)* (А. Левинтов. 3. Поэзия. 2022) .

7. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида среди других показателей неконтролируемости действия

Выше мы упоминали о том, что БМП СВ в контексте часто сопровождаются лексическими показателями неволевитивности субъекта, его невозможности остановить развивающееся действие. Это, например, местоимение *само /собой/*, квалификаторы неопределенности *как-то, что-то*, наречия типа *вдруг, внезапно* и др.: – *Маргош, ты чего? – Не знаю. Заплакалось как-то. Наверное, за компанию с тобой* (М. Форст. Музей неприятностей. 2023); *Уехал я, не радостен, не смел, / И вот в пути внезапно мне запелось* (Родники. 1973); *Что-то ей замолчалось, и, видать, неслучайно* (Сибирские огни. 1966). В указанных примерах контекст вновь «легитимизирует» выбор конструкции, и без того прагматически нагруженной.

Стилизация действий как неконтролируемых – особенно в художественном тексте, в нарративе – может осуществляться взаимодействием дативно-рефлексивной конструкции и лексических маркеров не только в рамках одной фразы, но и в более широком контексте, где «синтаксис неуправляемых действий» [Арутюнова, 1999, с. 801] играет центральную роль: *И пойдет все не так, как хотелось: / вместо смеха послышится стон, / Нужно плакать, а мне вдруг запелось, / Прибыль вмиг превратилась в урон* (Г. и Е. Аушевы. Параллели. 2022); *Детство ведь похоже на игры маленьких кенгуру, когда никто не знает, и он сам прежде всего, куда ему прыгнется в очередной раз* (Ю. Тешкин. Полковник. 1991); *Феклуша ужаснулась. Хотела встать – не всталось, силилась крикнуть – из горла вырвался лишь отчаянный вопль*. (Л. Губин. Камень-уголье. 1981); *А Василия неудержимо тянет дремать. Леглось на бок, произвольным жестом сунул воротник под щеку...* (Урал. 1978). В данных примерах неконтролируемость эксплицируется не только конструкциями с БМП и отдельными лексическими показателями, но и целыми предикациями (*вырвался вопль; тянет дремать*).

В окружении таких текстовых показателей, по нашему мнению, утрачивает значение оппозиция модального пассива с незаполненной валентностью дат. падежа (*ему (не) леглось*) и контекстно омонимичного ему субъектного имперсонала (*((не) леглось = он (не) лег*), где такая валентность отсутствует¹⁰. В рассматриваемых нами контекстах любой рефлексив есть средство «ухода» от субъекта, при этом вторично, через максимальное снижение волитивности или вовсе через выведение субъекта из структуры предложения. В обоих случаях, по меткому замечанию Г.М. Зельдовича, субъект «лишен независимого существования» [Зельдович, 2012], при этом широкий контекст неизменно маркирует неконтролируемость ситуации: *Вот так вспомнишь о возвращении домой – тошнота, сосет где-то под грудью... от недавних ощущений чуть не **закричалось**, не **заплакалось** в ярости* (Н. Боровой. Прозаические опыты. 2022) – БМП СВ возникает как продолжение ряда физиологических состояний, испытываемых субъектом; *Гимнастерку суровой ниткой / он заштопал, прилег, покурил, / а когда **задремалось**, то книгой, / как историей, сердце прикрыл* (Е. Евтушенко. Броня. 1978) – предпочтительность трактовки конструкции как дативной возникает из лексического значения глагола.

Дискурсивное «высвечивание» основного значения БМП СВ – самопроизвольности и неконтролируемости действия – может приводить и к нарушению нормы: *...хорошо бы ему **сочинились** сейчас стихи лучше, чем у Пушкина, или **запелось** бы голосочком, лучшим, чем у Шаляпина, или после обеда **прыгнулось** бы на n-ском стадионе на шесть с половиной метра без шеста, – вот тогда бы все само собой образовалось, все бы само собой устроилось...* (М. Яблонская. Лето кончилось. 1992). Здесь мы видим противоречие средств выражения неконтролируемости действия и возможностей, даваемых нормой. Существующая неконтролируемость маркируется дативно-возвратной конструкцией, при этом мечты объектны, и оптативная модальность приводит к появлению ненормативного личного модального пассива, сопровождаемого безличным (*ему сочинились стихи... запелось... прыгнулось*) при контекстной поддержке (*само собой образовалось, устроилось*). Ср. подобный случай рефлексивной перспективы

¹⁰ Напомним, в целом как личный (*дом строился*), так и безличный (*об этом не раз говорилось*) пассив не имеет прагматической нагрузки неконтролируемости и/или субъекта, не контролирующего ход ситуации. Периферийный в русском узусе субъектный имперсонал типа *туда едет три часа*, к которому можно отнести формы типа *Леглось*, также не подразумевает значения неконтролируемости, лишь блокируя выражение в предложении агентивного субъекта (подробнее см. [Поляков, 2011; Плунгян, Подгорная, 2023]). О возможности двоякого толкования предложений без эксплицитного субъекта в дат. падеже и модификатора см. [Летучий, 2016, с. 301].

с участием разных рефлексивов, вместе с контекстом выполняющих ту же прагматическую установку: *Как сделать так, чтобы все само происходило. Раз – и не **расслабилось**, и не **уснулось**, и ничего не **придумалось**, и никто б тебя там не дергал за ноги из духов разных* (Г. Богословский. Беседы с учениками. 2022). Контекст задает модальность неконтролируемости, затем следует цепочка из ненормативного *расслабилось* (?*мне расслабилось*), периферийного безличного модально-пассивного или субъектно-имперсонального *уснулось* и личного модально-пассивного *ничего не придумалось*.

Как видно, центр выражения значения неконтролируемости – конструкция с рефлексивом¹¹ (в нашем случае перфективным), приводимая к «классическому» виду дативной. Однако в реальных текстовых употреблениях валентность дат. падежа не всегда заполнена, в то время как рефлексивная конструкция часто нагружена маркерами самопроизвольности действия. Это вызывает контаминацию грамматически разных рефлексивных типов, выполняющих в конечном счете одну и ту же функцию: *Он манил меня своим пузатым, слегка продавленным туловищем, и мне как-то само собой **селось** (мне селось + само собой селось)* (С. Кудряшов. Тритоны Тарасова. 1999); *Вот видишь, я сижу на месте водителя и руль у меня в руках. Ну прости, так получилось, я оказался за рулем, а ты не оказалась. Просто оно как-то само у меня **шлось** и **селось** (оно шлось и селось + у меня шлось и селось).* (С. Сорокинов. Мой мир – твоя нежность – 2. 2023)¹².

Неслучайна с учетом таких текстовых условий лабильность границ между безличным модальным пассивом и другими типами рефлексивных конструкций, вовсе не предполагающими введения субъекта в дат. падеже, в частности с сочетанием *у меня*, местоимением *само / само собой* и квазиподлежащим *оно*. Ограничимся примерами с рефлексивом *совралось*:

- *Ему **совралось** легко* (Молодая гвардия. 1976) – центральный тип БМП с дативным субъектом и наречием-квалификатором;
- *Если бы Глашку спросили, зачем она врет, та не смогла бы ответить – **совралось**, и все. Она вообще была вруней. Вранье приносило ей какое-то бескорыстное удовольствие* (Е. Михалкова. Время собирать камни. 2008) – переходный тип между БМП и субъектным имперсоналом, при возможном *ей совралось, и все*;

¹¹ Наряду с ним возможны и предикативы, ср. пример, в котором, по сути, эксплицитно демонстрируется назначение БМП СВ – выражать неконтролируемость действия: *У Вички ни то, ни другое – живет себе по чувству: **затосковалось** ей – **затоскует**, а **смешно** – так **засмеется**...* (Т. Набатникова. Город, в котором. 1991).

¹² Строго говоря, употребления с квазиподлежащим *оно* – личные, поэтому видеть здесь форму БМП нельзя [Летучий, 2016, с. 303].

- У него **совралось** само собой, необдуманно (А. Камиллери. Лезвие света. 2023);
- ...как так случиться могло, что в последнюю минуту он решил **соврать** <...>? Даже не решил – оно само **совралось**, помимо его воли (Радуга. 1987).

Такие широкие парадигматические возможности возникновения перфективных рефлексивов разных типов, в том числе и БМП, связаны с общностью их формы, а также прагматической, текстовой функции – обозначения действия, возникающего самопроизвольно, вне зависимости от воли субъекта-экспериментатора. Некоторые глаголы (аналогично ведет себя, например, форма **сказалось**) участвуют в образовании целых парадигм синонимичных рефлексивных конструкций, эксплицирующих неволевитивность субъекта: *ему / у него / в нем / (оно) само (собой) / сказалось* и др. Помимо формальной близости разных рефлексивных подтипов, их функциональная общность подтверждается возможностью присутствовать в одинаковых контекстах: *Он решил соврать. Даже не решил – оно само совралось, помимо его воли / ему совралось помимо воли / ?у него совралось помимо воли*. Добавим, что последний тип конструкций тоже участвует в интенциональных употреблениях, где саморазвивающееся действие осмысливается и противопоставляется агентивному: *...он замолчал, вернее, если так можно выразиться, у него замолчалось* (Урал. 1982).

8. Заключение

Итак, как мы попытались показать, что безличный модальный пассив глаголов совершенного вида является полноправным – хотя и периферийным – компонентом системы русских рефлексивов, и возникает в текстах чаще, чем до сих пор постулируется в грамматических описаниях. В художественном тексте представлены разнообразные типы употребления БМП СВ – от неинтенциональных и регулярных (например, в рамках устойчивых расширяющих контекстов, снимающих ограничения на образования БМП), до ярко выраженных интенциональных, нарушающих нейтральный узус, но тем ярче сигнализирующих свою основную роль – экспликацию неконтролируемости ситуации и низкой волевитивности ее субъекта. Это активно используется, например, в поэтическом тексте, при кумуляции рефлексивных форм, а также при выборе БМП там, где ожидалась бы личная форма (ср. *где это мне побывалось?*).

В нарративе формы БМП СВ сближаются с другими рефлексивными конструкциями, выражая указанное значение. Таким образом, рефлексивы, противопоставления которых могут контекстно нейтрализовываться (как происходит с БМП и субъектным имперсоналом), являются одной из составляющих текстовой сферы неконтролируемости действия, неволевитивности.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. [Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, 1999.]

Бондарко, 1994 – Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–42. [Bondarko A.V. On the problem of intentionality in grammar (based on the material of Russian). *Voprosy yazykoznaniya*. 1994. No. 2. Pp. 29–42. (In Rus.)]

Булыгина, Шмелев, 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki) [Language conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, 1997.]

Галкина-Федорук, 1958 – Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. [Galkina-Fedoruk E.M. Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Impersonal sentences in modern Russian]. Moscow, 1958.]

Градинарова, 2009 – Градинарова А.А. Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica. 2009. № 2. С. 49–63. [Gradinarova A.A. Slavic reflexive impersonal: On the problem of describing its meanings. *Acta Linguistica*. 2009. No. 2. Pp. 49–63. (In Rus.)]

Зализняк, Шмелев, 1997 – Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. München, 1997. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A.D. Leksii po russkoi aspektologii [Lectures on Russian aspektologii]. München, 1997.]

Зельдович, 2012 – Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М., 2012. [Zeldovich G.M. Pragmatika grammatiki [Pragmatics of grammar]. Moscow, 2012.]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoi perspective [Grammaticals emantics. Russian language in typological perspective]. Moscow, 2007.]

Ковтунова, 1986 – Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. [Kovtunova I.I. Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow, 1986.]

Летучий, 2014 – Летучий А.Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana. 2014. Т. X. Ч. 3. С. 364–394. [Letuchii A.B. Between passive and decausative: Russian modal passives. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Vol. X. Part 3. Pp. 364–394. (In Rus.)]

Летучий, 2016 – Летучий А.Б. Возвратность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. В.А. Плунгян (отв. ред.). СПб., 2016. С. 268–337. [Letuchii A.B. Reflexivity. *Materialy k Korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast I*. V.A. Plungyan (ed.). St. Petersburg, 2016. Pp. 268–337. (In Rus.)]

Петрухина, 2020 – Петрухина Е.В. Аспектуальные свойства деагентивных возвратных конструкций в русском языке // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 г.) / отв. ред. Е.В. Горбова СПб., 2020. С. 315–327. [Petrukhina E.V. Aspectual properties of deagentive reflexive constructions in Russian. *Vzaimodeistvie*

aspekta so smezhnymi kategoriyami: materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maya 2020 g.). E.V. Gorbova (ed.). St. Petersburg, 2020. Pp. 315–327. (In Rus.)]

Плунгян, Подгорная, 2023 – Плунгян В.А., Подгорная А.Д. Обзор семейства конструкций с функцией «понижения агенса» в славянских языках // *Славистика*. 2023. № 2. С. 54–70. [Plungyan V.A., Podgornaya A.D. Overview of agent-demotion constructions in Slavic languages. *Slavistika*. 2023. No. 2. Pp. 54–70. (In Rus.)]

Поляков, 2011 – Поляков Д.К. Берется ранец и идется в школу... // *Русская речь*. 2011. № 1. С. 63–69. [Polyakov D.K. “Beryotsya ranets i idyotsya v shkolu...” *Russkaya rech*. 2011. No. 1. Pp. 63–69. (In Rus.)]

РГ, 1980 – *Русская грамматика* / отв. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М., 1980. [Russkaya grammatika. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 2. Moscow, 1980.]

Фичи, Жукова, 2012 – Фичи Ф., Жукова Н.Н. О грамматико-семантических свойствах конструкций типа *Вчера мне легко работалось* // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1 (23). С. 18–38. [Fici F., Zhukova N.N. The grammatical and semantic properties of the Russian sentence type *Vchera mne legko rabotalos'*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 1 (23). Pp. 18–38. (In Rus.)]

Янко-Триницкая, 1962 – Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. [Yanko-Trinitzskaya N.A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, 1962.]

Mrázek, 1971 – Mrázek R. Slovenské konstrukce typu rus. *mne ne spitsja*. *Miscellanea linguistica*. M. Komárek. Ostrava, 1971. S. 119–126.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024

The article was received on 05.12.2024

Сведения об авторе / About the author

Поляков Дмитрий Кириллович – кандидат филологических наук; доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Dmitry K. Polyakov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Slavic and Central European Studies of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-2841>

E-mail: vbnz2005@yandex.ru